

человека, олицетворявшего “мировой империализм”. Рузвельт, со своей доктринерской приверженностью принципам Атлантической хартии, плохо вписывался в англо-советский тандем.

Заглавие книги “Встречными курсами” может создать впечатление, что речь в ней идет о сближении и сотрудничестве СССР и США во время Второй мировой войны. Еще в годы войны, не говоря уже о послевоенном времени, обе державы начали быстро наращивать свое влияние в Юго-Восточной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке. Внедрение СССР в Иран и на Балканы стало в значительной степени возвратом на позиции, которые некогда занимала в этих регионах царская Россия. Претензии к Турции по Черноморским проливам также были наследием имперского прошлого. Арабский мир, напротив, представлял для советской державы доселе неизведанное поле деятельности. США, в отличие от своего союзника, никогда прежде не рассматривали эти страны и регионы в качестве сферы своих “жизненных интересов”. Авторы логично и аргументировано показывают, как советско-американское партнерство неизбежно перерастало в соперничество.

Инструменты влияния, имевшиеся в распоряжении СССР и США, сильно отличались. Советский Союз гораздо сильнее Америки пострадал во Второй мировой войне; СССР не имел свободных капиталов и остро нуждался в материальной помощи и инвестициях. Поэтому советская сторона чаще прибегала к силовым методам, помощи оружием, активно использовала коммунистическую идеологию и пропаганду. Это имело успех только в тех странах, где были сильны позиции компартий (Болгария, Югославия). Поскольку Турция и

арабский мир оказались невосприимчивыми к коммунистическим идеям, там приходилось прибегать к националистической и антиколониальной риторике.

США, в огромной степени усилившиеся в ходе Второй мировой войны, располагали колоссальным промышленным и финансовым потенциалом. Американские клиенты на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке ожидали от США прежде всего материальной поддержки, с помощью которой они надеялись обезопасить себя от могущественного северного соседа – СССР. Таким образом, “встречные курсы” СССР и США – это скорее сближение двух ледоколов, которые с разных сторон входят в неизведанную акваторию. Они крушат все на своем пути, их главная задача – вовремя остановиться, пока не пройдена точка невозврата, за которой неизбежно прямое столкновение, ведущее к катастрофе.

В целом, книга производит впечатление глубокого самостоятельного исследования. Чувствуется большой труд авторского коллектива, который основательно поработал не только над содержанием, но и над формой своего произведения. Вятским историкам почти удалось выдержать текст в едином стиле, что бывает нечасто в коллективных трудах. Немногочисленные досадные мелочи не отменяют главного – значительного массива архивных документов, впервые вводимого в научный оборот и делающего труд историков ВГГУ заметным явлением в отечественной историографии.

Д.В. Лихарев,
доктор исторических наук,
профессор Дальневосточного федераль-
ного университета

Т.М. Симонова. СОВЕТСКАЯ РОССИЯ (СССР) И ПОЛЬША. РУССКИЕ АНТИСОВЕТСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ПОЛЬШЕ (1919–1925 гг.). М.: Квадрига, Зебра Е, 2013, 388 с.

Монография российского историка-полониста Т.М. Симоновой написана на актуальную тему, принадлежащую не только к числу “сложных вопросов” в истории российско-польских отношений (впечатление такое, что “простых” вопросов там уже не осталось), но и затрагивающую животрепещущую по сей день проблему частных военных формирований.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1919 по 1925 г. В начале рассматриваемого периода Верхов-

ным советом Антанты был принят курс на укрепление Польского государства и расширение его границ на востоке силами польской армии при поддержке русской военной эмиграции путем организации военных отрядов на территории Польши. К его концу проблемы, возникшие в связи с реализацией этого курса (интернирование контингента антисоветских формирований, репатриация амнистированных беженцев в СССР и рассредоточение их в странах Европы), в целом были решены.

При разработке темы Т.М. Симонова использовала большой массив архивных источников. Среди них документы Архива внешней политики РФ (АВП РФ), Российского государственного военного архива, Государственного архива РФ, Российского государственного архива социально-политической истории, Архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного военно-исторического архива, а также материалы фондов Б.В. Савинкова и В.Л. Бурцева из Архива Международного института социальной истории Нидерландской королевской академии наук в Амстердаме, коллекции Б.И. Николаевского в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете. В приложении к монографии опубликован комплекс редких документов из российских архивов, удачно дополняющих авторское исследование (с. 329–378).

К изучению проблемы Т.М. Симонова привлекла значительный объем опубликованных источников и научной литературы на русском, польском, английском и французском языках. Стоит особо отметить основательный анализ публикаций русской эмигрантской печати (“Последние известия”, “Общее дело”, “Свобода”, “За свободу”, “Накануне”, “Голос России”, “Новое время”, “Русское дело”, “Казачьи думы”, “Ковыльные волны”, “Вольное казачество”, “Новый журнал” и др.), а также современным событиям польской (“Przegląd Współczesny” и др.), советской и французской прессы.

Автор начинает свое повествование от важнейших итогов Первой мировой войны – создания нового европейского порядка, включавшего в себя новые независимые государства, проросшие на обломках веками структурировавших Восточную Европу империй. Важным звеном в новой системе координат в этом регионе стала Польская республика или II Речь Посполитая. Возрождение государственности спустя 123 года после разделов I Речи Посполитой проходило долго и мучительно, прежде всего, в вопросе границ возрождаемой Польши. Французские военные круги на правах победителей в “Великой войне” поддержали молодую Польскую республику оружием, боеприпасами и снаряжением, а также создали военные миссии с профессиональными советниками (среди которых отметились и молодой Ш. де Голль) для формирования одной из самых значительных армий в Европе. По мнению исследовательницы, роль координатора в системе буферных государств польская “военная партия” во главе с времен-

ным начальником государства Ю. Пилсудским намеревалась оставить за собой. В свою очередь, “первый маршал” из Варшавы в качестве опоры на европейском континенте рассматривал главным образом Париж.

В монографии изучены основные причины и обстоятельства создания “отряда русских беженцев” на польской территории в контексте внешнеполитического курса руководства Польши и координирующая роль французского военного командования (военной миссии в Варшаве) в этом процессе. Подчеркивается, что польские военные власти включали участие русских, украинских и белорусских вооруженных отрядов (их предполагалось создавать на средства польского бюджета на территории Польши) в план федеративной концепции (до реализации которого дело, как известно, так и не дошло). Автор документально доказывает, что идея создания на польской территории антисоветских отрядов, которые вобрали бы в себя личный состав разбитых белых армий, прежде всего – Северной и Северо-Западной, принадлежала У. Черчиллю, на тот момент – военному министру и министру авиации Великобритании.

Скруплезный анализ источниковых массивов позволил Т.М. Симоновой выявить значительную по объему и “совершенно секретную” организационную работу польских военных кругов по формированию на подконтрольной им территории “отряда русских беженцев”, а также деятельность по привлечению на польскую территорию отряда С. Булак-Балаховича. Одновременно военное командование Польши скоординировало свои действия с армией Украинской народной республики (рассмотрение истории создания и военной деятельности украинских вооруженных отрядов на территории Польши в задачу автора не входило). На роль руководителя русских отрядов Черчилль выбрал колоритную кандидатуру Б.В. Савинкова, обладавшего и богатым революционным прошлым, и опытом государственной деятельности при Временном правительстве. Личность Савинкова, якобы “свободного от империалистической российской традиции” и реально связанного семейными узами с Варшавой, устраивала и польские власти.

Архивные разыскания позволили исследовательнице выявить истинную роль Б.В. Савинкова и его младшего брата Виктора в процессе концентрации на территории Польши добровольцев, вербуемых в молодых прибалтийских республиках и на севере России, а также деятельность по финансовому обеспечению этого процесса. Выявлены факты денежных претензий к главе “русской акции”

офицеров-добровольцев, после интернирования частей в польских лагерях получивших статус “русских беженцев” (имевших право политического убежища в Польше). Одновременно финансовым документам возглавляемого Б.В. Савинковым Русского политического (после интернирования – эвакуационного) комитета, выявленные автором в архивах, свидетельствуют о поступлении на счета этой организации значительных денежных средств, в первую очередь – из бюджета Военного министерства Польши.

Итогом трудов савинковцев стало создание двух армий – Народной демократической (НДА) во главе с Балаховичем и 3-й Русской армии (ЗРА) под командованием Б.С. Пермикина, подчиненной Врангелю, а также и казачьих отрядов (общей численностью – до 25 тыс. человек из запланированных 35 тыс.). Советско-польская война, по ходу которой шла “совершенно секретная” работа, завершилась перемирием 12 октября 1920 г., которое побудило польских спонсоров Савинкова отказаться от финансовой поддержки “русской акции” и официально от нее дистанцироваться. В ответ Булак-Балахович, инспирируемый деятелями II отдела польского Генштаба (разведка и контрразведка) принял решение совершить самостоятельный “поход на восток”, который завершился в конце ноября 1920 г. полным разгромом балаховцев силами Красной армии.

Все русские отряды были интернированы в польских лагерях: около 13 тыс. человек (ЗРА и НДА) и около 5 тыс. казаков получили статус беженцев (с. 149); отряды и в лагерях сохраняли военное деление и штаты. Финансирование и условия содержания этих солдат и офицеров в лагерях до заключения Рижского мирного договора (март 1921 г.) были сносными, поскольку командование Польши и французская военная миссия еще возлагали надежды на изменение политической ситуации и возможность использования этого контингента в антисоветских целях. Однако, по верному замечанию автора, весной 1921 г. стало очевидно, что обеспечить сносное содержание интернированных в лагерях Б.В. Савинков и Булак-Балахович не смогут, поскольку немалые средства, которыми они располагали, были ими частью расхищены, частью же направлены на “политическую работу” по продолжению антисоветской деятельности на пограничных территориях.

Исследовательница делает обоснованный вывод о том, что интернированные антисоветских формирований, в числе которых оказалось немало бывших военнопленных красноармейцев, стали заложниками в политической игре Савинкова. Именно этот контингент он

рассчитывал использовать при организации вылазок на территорию Советской России по линии Народного союза защиты родины и свободы, в разведывательной работе на советской территории по линии Информационного бюро и в “зеленом движении”. Привлечь интернированных в лагерях рассчитывал и Булак-Балахович, добивавшийся создания сети партизанских отрядов вдоль линии советско-польской границы, и генералы Белой армии, переместившиеся в Берлин и Будапешт.

Спасением для интернированных в преддверии зимы 1921–1922 г. могла стать амнистия; она была объявлена рядовому составу антисоветских формирований на основании декрета ВЦИК от 4 ноября 1921 г. С этого момента Российско-украинская делегация смешанной советско-польской комиссии по репатриации (РУД) вплотную приступила к работе по возвращению “амнистированных беженцев” на родину. Исследованный автором значительный комплекс архивных документов АВП РФ позволил впервые пролить свет на многие детали деятельности РУД и Наркомата по иностранным делам РСФСР по возвращению в РСФСР и УССР амнистированных участников антисоветских формирований. При этом выяснилось, что в общем потоке возвращения русских беженцев и эмигрантов в Россию из различных стран Европы репатриация из Польши стала наиболее проблемной. Т.М. Симонова обоснованно утверждает, что в своей работе РУД сразу столкнулась с явным и скрытым противодействием со стороны польских военных властей. Подчас с целью отбить у репатриантов желание вернуться домой они применяли испытанные методы: пытки, избиения, насилие.

Если в других государствах русского рассеяния репатриационные комиссии и советские организации действовали в контакте с комиссаром Комитета по делам русских беженцев Лиги Наций Ф. Нансеном и с делегатами комитета, то в Польше участвовать в репатриации в контакте с РУД эта структура Лиги Наций не смогла. В Варшаве негативно отнеслись как к деятельности комиссариата в целом, так и персонально к Нансену, что обусловило введение “нансеновских паспортов” в Польше только в 1925 г.

Ответственность и заботу о фактически брошенных на произвол судьбы беженцах пришлось взять на себя многим структурам – РУД смешанной комиссии по репатриации в Варшаве, Лиге наций в лице Нансена, а также русским благотворительным организациям в Польше (польское отделение Земгора и Попечительный о русских эмигрантах комитет под руководством П.Э. Бутенко).

В конце ноября 1922 г. руководством II Речи Посполитой был взят курс на выдавливание русских гражданских беженцев и эмигрантов из Польши. Число их, по официальным польским данным, представленным в Лигу Наций, составляло около полумиллиона. Автором документально доказано, что из общего числа интернированных только около 9 тыс. человек получили политическое убежище и остались на постоянное жительство в Польше или же самостоятельно выехали в европейские государства и страны Латинской Америки. Около 2 тыс. беженцев переехали на работы во Францию в разоренные войной районы при содействии нансеновского комитета, а затем – Бюро труда Лиги Наций при согласии польского и французского правительств (с. 294–295). К середине 1925 г. в Польше оставалось до 40 тыс. русских беженцев, половину из которых составляли бывшие участники антисоветских формирований.

Изучение автором фондов АВП РФ позволило подвести итоги репатриации амнистированных беженцев на родину. РУД проделала большую работу по выполнению соглашения по репатриации, несмотря на скрытое нежелание польской “военной партии” открывать дорогу на родину тем, кого можно было использовать в качестве потенциального человеческого материала в антисоветской работе. В условиях постоянного недофинансирования РУД смогла обеспечить репатриацию только 9 тыс. человек или 30% от общего числа амнистированных беженцев (включая интернированных армии УНР) (с. 263). Объективно оценив результаты своей работы, руководство РУД заявило о фактическом срыве репатриации из Польши. Итоги массового возвращения на родину к концу 1925 г. были юридически оформлены в комплексе законодательных и подзаконных актов профильных структур СССР (ОГПУ и НКВД) в отношении репатриантов всех категорий. Точка в процессе законодательного обеспечения прав и возможностей русских беженцев (включая амнистированных беженцев) на репатриацию в Россию была поставлена 13 ноября 1925 г. подписанием Постановления ЦИК и СНК СССР, которое предусматривало утрату советского гражданства лицами, пропустившими регистрационные сроки для его получения.

Завершая свое исследование, Т.М. Симонова справедливо акцентирует внимание на плане Ч.Г. Дауэса (лауреата Нобелевской премии мира 1925 г.), который ограничил влияние Франции на европейскую политику, способствуя восстановлению германского военно-промышленного потенциала. В связи с этим внешнеполитический курс Веймарской республики был переориентирован на восстановление политической гегемонии Германии и ужесточение политики в отношении Польши и других стран Восточной Европы.

В польской внутренней политике с июня 1923 г. наблюдались существенные противоречия. С одной стороны, на уровне кабинета министров пытались требовать жесткого исполнения Рижского мира и поддержания нейтрального курса в отношениях с СССР, в связи с чем лагеря для интернированных закрывались. С другой стороны, варшавская военная элита, несмотря на уход Ю. Пилсудского со всех должностей, продолжала следовать курсу безусловной конфронтации с восточным соседом вплоть до майского переворота 1926 г. Внешнеполитическим фоном этих событий, вслед за планом Дауэса, стали Локарнские договоры 1925 г., которые не давали гарантий безопасности западных границ Польши.

Исследование Т.М. Симоновой стало очередным шагом вперед в рассмотрении российской историографией непростых проблем российско-польского взаимодействия в конце 10-х – первой половине 20-х годов XX в.¹ При этом накопленный автором значительный документальный материал ставит вопрос о необходимости продолжения дальнейших исследований, например, более подробного изучения роли Б.В. Савинкова в описываемых событиях, а также актуализации проблемы положения русских гражданских беженцев и эмигрантов первой волны в Польше в межвоенный период.

Ю.А. Борисёнок,
кандидат исторических наук,
доцент истфака МГУ

¹ Из недавних работ см. в частности: *Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С.* Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011; *Польша в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2012.